

ОТНОШЕНИЕ К ПРИРОДЕ И МИРУ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 159.9

ШВАЛЬ Ю.М.

доктор психол. наук, профессор, зав.
кафедрой социальной работы факультета
психологии КНУ имени Тараса Шевченко,
зав. лабораторией экологической психологии
Ин-та психологии имени Г.С. Костюка НАПН
Украины, г. Киев

В статье предлагается новая теоретическая модель образа жизни, основанная на идее целеполагающего сознания и рассмотрены исторические типы отношения Человек-Природа как компонента образа жизни.

Ключевые слова: образ жизни, целеполагание, принятие ответственности, сознание, деятельность, отношение.

СТАВЛЕННЯ ДО ПРИРОДИ І СВІТУ В СУЧАСНОМУ СПОСОБІ ЖИТТЯ: ІСТОРИКО-КУЛЬТУРНІ АСПЕКТИ

У статті пропонується нова теоретична модель способу життя, заснована на ідеї целеполагаючого свідомості і розглянуто історичні типи ставлення Людина-Природа як компонента способу життя.

Ключові слова: спосіб життя, цілепокладання, прийняття відповідальності, свідомість, діяльність, ставлення.

Отношение Человека к Окружающему миру является исторически меняющейся формой деятельности и сознания, которую можно определить через категорию «образ жизни». Образ жизни является одной из предельных категорий, выражающих качественную характеристику деятельностного отношения человека к миру.

В середине 70-х годов была предпринята попытка проведения объемных социологических и психологических исследований образа жизни, но полученные результаты фактически не продвинули проблему – достаточно сказать, что социологи предложили более 250 индикаторов образа жизни, что сделало невозможным дальнейшие разработки. Тем не менее, в имеющихся немногочисленных работах показана ее первостепенная значимость для оценки состояния общества. Так, в современных Российских и Украинских исследованиях показано, что социальные кризисы переживаются относительно благополучно только в том случае, если они не приводят к ломке сложившихся структур образа жизни основной массы населения. Поэтому, понятие образа жизни имеет и важное прикладное значение, раскрывая динамику изменений социально-психологических норм и предпочтений людей и групп населения.

Нам представляется, что одной из основных причин неудач в использовании категории образа жизни является традиционная для классической социологии и психологии опора на объектно-онтологическую методологию. В рамках этой методологемы образ жизни предстает как некий естественный объект, который можно описать через перечисление его составляющих. Любопытно то, что описания образа жизни в социологии и психологии опираются, скорее, на биологическую модель описания поведения животных, чем на социокультурную модель описания деятельности. Так, для биолога нормальным и приемлемым является характеристика образа жизни животного через такие предикаты как: хищный-растительноядный, дневной-ночной и так далее. Очень сомнительно, что такой подход может быть продуктивным при описании форм жизнедеятельности человека. По-видимому, надо все-таки исходить из представления, что понятие образа жизни должно отражать характер деятельности (точнее, жизнедеятельности) человека, в системно-деятельностном понимании этой категории.

С этой точки зрения мы можем сформулировать исходный тезис, что специфическим содержанием понятия образа жизни выступают формы организации жизнедеятельности индивида или групп людей.

Существенным является то, что в культурно-историческом плане формы организации всегда существуют только как идеализированные объекты, то есть как организационные схемы, обеспечивающие развертывание конкретных процессов мышления (сознания) и деятельности (то, что О.И.Генисаретский называет схематизмами сознания). Поэтому, если некоторые организационные схемы остаются неизменными на протяжении определенного периода времени для определенного индивида или группы, то независимо от конкретного содержания мышления и деятельности мы можем говорить о стабильности форм жизнедеятельности, то есть об устойчивом образе жизни. Отсюда следует еще один важный методологический вывод: для разных наук, пользующихся одним и тем же категориальным аппаратом, содержательное наполнение понятия будет принципиально различным и, поэтому, понятие образа жизни в культурологии, экономике, социологии и психологии должны строиться на разных основаниях и «ухватывать» разные организационные формы.

Каковы же собственно психологические основания для выделения и описания форм организации жизнедеятельности?

Вроде бы достаточно очевидно, что в качестве таких оснований должны выступить те или иные психологические механизмы регуляции деятельности. Но проблема как раз и заключается в том, что сами механизмы чрезвычайно разнообразны, а научные

модели, описывающие их, противоречивы. Выбор оснований и их соорганизация в модель должны опираться на некоторые исходные, базовые определения понятия образа жизни:

Во-первых, образ жизни является совокупностью устойчивых способов и форм организации социокультурной жизни людей. Понятие образа жизни должно распространяться на все уровни социальности. Оно одинаково успешно должно применяться к индивиду, к стабильной малой группе типа семьи или коллектива, к организации или социальному институту, к большому социальным группам с явно выраженными субкультурными признаками, к этнической группе или к обществу в целом.

Во-вторых, в социокультурном плане образ жизни представляет собой объективную характеристику способов организации социального взаимодействия в наиболее значимых сферах жизни общества – в производстве, потреблении, управлении, обеспечении защиты и т.п. В психологическом плане образ жизни представляет собой набор ценностей и норм, которые детерминируют распространение и передачу от поколения к поколению определенных моделей поведения.

В-третьих, образ жизни представляет собой определенную целостную характеристику бытийности индивида и социума. Однако эта внутренне дифференцированная целостность, содержание которой определяется по линиям или параметрам основных отношений личности, в которых человек получает возможность деятельностной реализации своего видения мира и отношение к нему.

Анализ психологических моделей регулятивных механизмов деятельности позволяет утверждать, что в рамках изложенных выше критериев наиболее соответствующими будут те, которые «ухватывают» единство сознания и деятельности. К таким механизмам мы можем отнести **процессы постановки целей деятельности и принятия ответственности за результаты деятельности**. Выбор именно этих процессов связан также с тем соображением, что процессы постановки целей «открывают» любой акт деятельности, а процессы принятия ответственности за результаты «закрывают» каждый конкретный акт деятельности.

Психологические механизмы целеполагания задают не содержание конкретных целей деятельности индивида, а способ постановки целей, то есть как раз и являются схемами соорганизации внутренних интенций личности и внешних условий деятельности. Все известные психологические теории целеполагания показывают наличие специфической «растяжки» процесса постановки цели в диапазоне «внешнее-внутреннее». На философском уровне эта проблема рассматривается как дихотомия «свобода – необходимость»,

на психологическом – как проблема направленности и детерминации деятельности. Достаточно вспомнить известную дискуссию между С.Л.Рубинштейном и А.Н.Леонтьевым, которая сводилась к противопоставлению движения «от внутреннего к внешнему» или «от внешнего к внутреннему».

Итак, психологическая модель образа жизни должна начинаться с определения схемы организации внутренних интенций личности и внешних условий деятельности, которая выражается в формах целеполагания. Но сами формы целеполагания должны рассматриваться не в их психологическом содержании, а как способности организации жизнедеятельности по шкале «свобода – необходимость». Причем «свобода» должна пониматься как исключительно внутренняя детерминированность процесса выбора цели и принятия решения, то есть как произвольность, вплоть до произвола личности. «Необходимость» в этом случае надо рассматривать как ситуацию заданности целей деятельности неким внешним субъектом, или квазисубъектом, как **вынужденность** индивида или группы следовать внешне положенным и определенным нормам, правилам, традициям, заповедям, приказам и т.д.

Психологические механизмы принятия ответственности за результаты собственных действий изучены значительно в меньшей степени, чем механизмы целеполагания. Известная концепция Роттера дает развертку данного понятия только в одном измерении – через атрибуцию ответственности и локус контроля. Безусловно, это очень важный психологический аспект проблемы ответственности, но он не дает возможности эксплицировать те организационные схемы, которые позволяют субъекту завершить акт деятельности. Дело в том, что акт деятельности не завершается с получением целевого продукта как результата, а оценкой последствий совершенного действия. В социальных системах любое действие и его результат всегда получает некое ответное действие, значимое для субъекта, которое и является последствием. Причем эти последствия всегда реальны и жизненны и не зависят от того, принимает субъект на себя психологическую ответственность за них или нет.

Принятие ответственности также может быть представлено в виде двухвекторной оси. Один полюс этой оси образуют различные **угрозы и риски**. С этой точки зрения, риск – это всегда прогнозируемое негативное последствие собственных действий – риск всегда следует за действием, и только его прогнозирование предшествует действию.

Второй полюс образуют различные **защиты**, но не в психоаналитическом смысле, а как система действий по обеспечению безопасности и защищенности личности. Защищенность, в этом смысле, является одновременно состоянием неуязвимости по отношению к

внешним факторам риска и безнаказанности по отношению к последствиям собственных действий.

Итак, психологическая модель образа жизни как форм целеполагания должна дополняться схемой соорганизации ценности получаемого результата и степени рисковости самого действия как проявления возможных ответных действий, которая выражается в формах принятия ответственности за последствия собственных действий.

Психологические механизмы целеполагания и принятия ответственности являются взаимодополнительными и образуют наиболее общую рамку регулятивных оснований каждого конкретного акта деятельности. Их взаимодействие задает оси координат образа жизни, то есть задают предельные психологические схемы организации жизнедеятельности. Точку пересечения образует идея целесообразности как соотносения значимости цели и цены затрат на ее достижение (см. рис. 1).

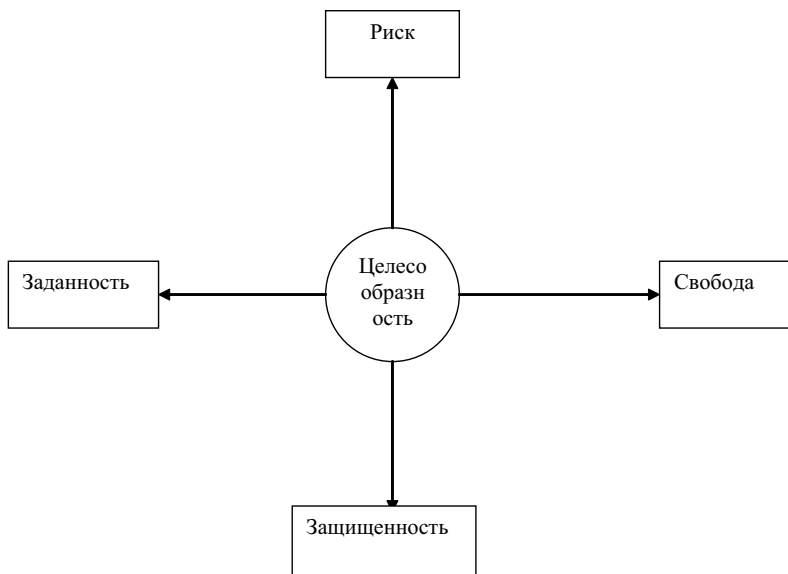

Рис. 1. Схема соорганизации параметров определения образа жизни

Данный способ схематизации показывает, что в определении образа жизни системообразующим психологическим компонентом является идея целесообразности, а деятельностные характеристики являются функциональными органами ее реализации в конкретных жизненных условиях и обстоятельствах.

Целесообразность устанавливает соотношение значимости цели и цены затрат на ее достижение, что предполагает на уровне сознания различения (дифференцировки) значения и ценности как самостоятельных конструктов. Это означает, что одна и та же предметность должна быть «взята» сознанием дважды: как фиксация ее функционального места в структуре деятельности (как предмет и материал действия, как средство или как операционное условие действия) и как фиксация ее места в системе жизненных отношений (как возможный результат, как ресурс или как обстоятельность).

Основания такого различения лежат в самой жизнедеятельности и, с нашей точки зрения, таким базовым основанием является дихотомия «стабильность – изменчивость». В любой жизненной ситуации любое наше действие может быть направлено либо на сохранение самой ситуации, либо на ее изменение.

Принятие идеи сохранения, стабильности, неизменности как ценности приводит к формированию традиционно ориентированного образа жизни. Любое изменение воспринимается как разрушение, и вырабатываются особые механизмы сознания и деятельности, обеспечивающие защиту от изменений и воспроизведение // трансляцию наличной ситуации.

Принятие идеи изменения и развития как ценности приводит к формированию динамически ориентированного образа жизни. Любое сохранение рассматривается как стагнация, и вырабатываются особые механизмы сознания и деятельности, обеспечивающие реализуемость инноваций и бесконечно расширяющееся воспроизводство качественно-количественных показателей жизнедеятельности.

Теперь мы можем вернуться к экологической тематике и показать на данной схеме, как типологизируется отношение Человек – Природа как компонент целостного образа жизни людей.

1. Известно, что первичная форма жизни людей характеризуется максимальной близостью человека к природе. Жизнедеятельность, в основном, протекает как естественный процесс существования, а природа является естественной средой существования и самое главное, непосредственным источником существования. Отношение человека к природе очень жестко регламентировано мифами и ритуалами, произвольность практически отсутствует, но сама природа обеспечивает существование человека всем необходимым и является условием полной защищенности человека и рода. Таким образом, «первобытная» жизнь полностью вписывается в левый нижний квадрант.

2. Развитие отношения Человек – Природа идет по пути создания человеком относительно независимых от окружающей среды источников питания и существования. Условно, такой тип отношения

можно назвать «ландшафтно-производственным». Скотоводство и земледелие уже являются искусственными процессами, которые начинают опосредовать отношение человека к природе. Природа становится «окружающей средой», причем средой, несущей в себе постоянную угрозу источнику существования. Сознание становится религиозным политеистическим, а деятельность приобретает магический характер. Целеполагание еще лежит в сфере внешней заданности и необходимости, а результаты деятельности попадают в зону абсолютного риска. Такой образ жизни охватывает левый верхний квадрант схемы.

3. Однако, прямое производство средств существования быстро истощает собственно природные ресурсы – окружающая среда становится непригодной для продолжения установившегося образа жизни. Вследствие этого начинает складываться новый тип отношений человека к природе, основанный на экстенсивном освоении все новых регионов жизнедеятельности при незначительном росте технических средств освоения природных ресурсов. Такой образ жизни связан с постоянным и очень высоким уровнем риска, но возникает свобода в выборе целей деятельности и принятии решений. Сознание остается религиозным, но начинает обретать черты монотеизма, деятельность утрачивает магический характер и становится целеустремленной. Человек становится активным субъектом, а природа – предметом физического освоения. Существенно, что именно в рамках этого образа жизни складывается наука как способ освоения природы. Естествознание, естественные науки становятся еще одной, теперь уже интеллектуальной формой освоения, а сама природа превращается в объект познавательной деятельности. На схеме этот тип образа жизни занимает правый верхний квадрант.

4. Возникшие на основе науки инженерия и массовое производство еще раз кардинально изменили отношение Человек – Природа. Источником существования человека становится производство как искусственный процесс. Причем, производство как процесс охватывает всю жизнь человека: от производства потребностей до производства предметов потребления. Само производство или, точнее, искусственные процессы и становятся средой существования человека. Функционально природа, с одной стороны, окончательно превратилась в «окружающую» среду как систему факторов, влияющих на искусственно организованную жизнь и, с другой стороны, стала «природными ресурсами» производства. Целеполагание по отношению к природе стало абсолютно произвольным, а жизнь абсолютно защищенной от природы техническими средствами (хотя эта абсолютность является весьма условной).

Сознание стало технократическим, а деятельность производственной. Человек стал свободным и безответственным.

Производственно-технократический образ жизни окончательно оторвал человека от природы и этот факт в разных формах был осознан более ста лет назад (наверное, одним из первых симптомов такого осознания стал роман Г.Торо «Жизнь в лесу»). Очень важным компонентом этого образа жизни является то, что отношение к природе стало двойственным. С одной стороны, как уже говорилось, природа стала абсолютным материалом, по отношению к которому допустим любой произвол, с другой стороны, природа эстетизируется и становится источником «наслаждения», «отдохновения», «вдохновения» и т.д. Этот тип образа жизни занимает на схеме правый нижний квадрант.

Таблица 1.

Типологическая матрица экопсихологических определений образа жизни

Деятельностные параметры образа жизни		Целеполагание	
		Заданность	Произвольность
Ответственность	Рисковость	Природа как средство и среда производства. Сознание политеистично. Деятельность магическая	Природа как предмет освоения. Сознание монотеистично. Деятельность целеустремленная
	Защищенность	Природа как источник существования. Сознание мифологично. Деятельность ритуальная	Природа как источник ресурсов производства. Сознание технократично. Деятельность производственная. Природа как источник наслаждения. Сознание эстетизировано. Деятельность визуально-потребительская

Круг замкнулся и все сегодняшние проблемы связаны с исчерпанием тех оснований, по которым строилось и изменялось отношение к природе человека на протяжении нескольких тысяч лет. Возврат к прежним типам образа жизни, по-видимому,

невозможен, а их романтизация в современном искусстве является всего лишь иллюзией. Принцип целесообразности организации жизни исчерпал свой энергетический потенциал.

Осознание нашей ответственности и формирование этического отношения является первым симптомом необходимости смены всей системы координат, то есть формирования новых схем организации жизнедеятельности, соразмерных Природе как Партнеру по жизнедеятельности.